

Шедяков В.Е., к. э. н., д. с. н., доцент,
независимый исследователь (Киев)

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СЕПАРАТИЗМА В ПОСТГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Шедяков В.Е. Политико-экономическое измерение сепаратизма в постглобальном мире. Внутренние и внешние импульсы сепаратизма рассматриваются в контексте политико-экономического аспекта конкуренции между культурно-цивилизационными мирами. Динамика центробежных и центростремительных тенденций получает новые очертания благодаря процессам укрепления постглобализма. Характер решений в сфере децентрализации может повлечь существенное изменение конфигурации факторов сепаратизма.

Ключевые слова: культурно-цивилизационный мир, постглобализация политико-экономических отношений, сепаратизм, децентрализация.

Шедяков В.Є. Політико-економічний вимір сепаратизму в постглобальному світі. Внутрішні і зовнішні імпульси сепаратизму розглядаються в контексті політико-економічного аспекту конкуренції між культурно-цивілізаційними світами. Динаміка відцентрових і доцентрових тенденцій отримує нові обриси завдяки процесам зміцнення постглобалізму. Характер рішень у сфері децентралізації може спричинити істотну зміну конфігурації факторів сепаратизму.

Ключові слова: культурно-цивілізаційний світ, постглобалізація політико-економічних відносин, сепаратизм, децентралізація.

Shedyakov V.Ye. Political and economic dimension of separatism in the post-global world. Internal and external impulses of separatism are considered in the context of the political and economic aspect of competition between cultural and civilizational worlds. The dynamics of centrifugal and centripetal tendencies is gaining new outlines due to the processes of post-globalism strengthening. The nature of decisions in the sphere of decentralization can entail a significant change in the configuration of the factors of separatism.

Key words: cultural and civilizational world, post-globalization of political and economic relations, separatism, decentralization.

Постановка проблемы. Сепаратизм – весомый аргумент в политико-экономической конкуренции между культурно-цивилизационными мирами, каждый из которых переживает свой цикл трансформаций. История сепаратизма изобилует разнокачественными динамиками с большим диапазоном изменений и мириадами результатов, сводимых в базовые модели. Административно-государственные границы фиксируют ситуацию в конкретный момент, тогда как политико-экономические, социокультурные и этнические факторы могут иметь иные фундаментальные и актуальные основания. И именно невысокая оценка распределений функций между центром и регионами, ядром и периферией на осях справедливости и эффективности может подрывать доверие к решениям.

Анализ последних исследований и публикаций. Различные грани взаимосвязей организационно-экономической централизации/децентрализации и политико-экономического аспекта конкуренции между культурно-цивилизационными мирами с тенденциями сепаратизма, а также причинно-следственные закономерности в его развитии подробно изучили Л. Абызова, Дж. Айкенберри, Р. Аксельрод, Э. Афонин, С. Бабурин, Ю. Барсегов, Дж. Бертон, И. Бай-

рамов, Л. Бердегулова, А. Большаков, Е. Вавилова, И. Валлерстайн, Г. Вельяминов, В. Геец, Д. Данилов, Й. Дженсон, Ф. Меранд, М. Дойч, В. Жёлтов, В. Катасонов, М. Китинг, А. Кобяков, А. Кротов, С. Кургиян, Дж. Курт, А. Левцун, Л. Мясникова, Н. Силаев, В. Соболев, Г. Солдатова, Е. Соловьёв, В. Сулов, А. Сушенцов, А. Уткин, Е. Фёдоров, Ж. Фреско, А. Фурсов, М. Хазин, А. Харин, П. Швейцер, К. Щемелин и другие исследователи. Использование процессов регионализации для осуществления децентрализации рассмотрено с учётом работ А. Андреева, В. Дергачёва, Н. Ефремовой, Я. Нефёдовой, С. Панковой, В. Симоненко, В. Чужикова, Н. Чумаченко, В. Шилова.

Постановка задания. Утверждение постглобальных закономерностей структурирования внешних и внутренних политико-экономических отношений сказывается на качестве процессов, изложение некоторых черт которых стало основанием данного материала.

Изложение основных результатов. Взаимодействие между культурно-цивилизационными мирами включает в себя отношения партнёрства/сотрудничества и конкуренции/противодействия. Его политико-экономические ресурсы достаточно разноо-

бразны, а приёмы и технологии совершенствуются в соответствии с фазами циклов трансформации, этапов в мегатрендах изменений, социокультурными, технологическими динамиками, комбинациями субъективных и объективных факторов в среде союзников, оппонентов и нейтралов.

Постглобализация политико-экономических отношений существенно меняет баланс в возможностях использования эндогенных и экзогенных факторов развития. Решающим условием экономического суверенитета становится умение обеспечить реализацию самобытности своего культурно-цивилизационного мира, следовательно, разумный протекционизм своих производительных сил и потенциала, использование обмена товаров, услуг, рабочей силы и капитала к своей пользе, для укрепления позиций своей промышленности, экономики и общества.

Среди множества показателей прогресса определяющее место принадлежит двум критериям: ценность человеческой жизни (в частности, состояние и динамика корзины социальных, экономических, политических, экологических прав и свобод, доступность медицины, искусства и образования, длительность и качество жизни) и слой совокупной духовной и материальной культуры (состояние и динамика промышленности, отраслей НТП, линий и предприятий передовых технологических укладов, структура инвестиций и т. п.). Прогресс коррелирует с усилением народного суверенитета (в частности, политико-экономического) [1–5] Таким образом, с одной стороны, определяются новые рубежи социализации/аккультурации и индивидуализации, с другой – отнюдь не какие-либо формальные конструкты, а качество жизни и возможности творчества предопределяют прогресс страны, новые же горизонты развития открываются тем государствам, в которых общественное устройство максимально способствует реализации творческого потенциала населения, а Сверхпроект мобилизуют на решение созидательных задач. При постглобализме успех вполне закономерно венчает принципиально гетерогенные образования. Речь идёт о новых типах организационного устройства, снятии жёстких границ, мозаичности управленческих процессов, сочетании разных элементов власти.

Также важно, что не только постглобальный мир – это гораздо более сложное образование. Крайне важным обстоятельством является то, что и в сам период активных трансформаций форсированный переход от одного сравнительно устойчивого состояния к другому структурированию мировой упорядоченности осуществляется при нарастании хаоса. В умном обществе каждый ответственно делает свой выбор, а также никто никому ничем не обязан; принуждение же расценивается как несправедливое и в конечном итоге неэффективное, что значимо отражается на характере общественных трансформаций и важно для выбора соответствующей стратегии развития.

Так, в обществе знаний научная и образовательная подготовка и постоянное совершенствование на этой основе хозяйствования получают преимущественное значение. Высокую же скорость передачи знаний в цепи «открытие – внедрение – распространение» («фундаментальные исследования – прикладные исследования – технические разработки – изготовление новой техники – её распространение и использование») способны эффективно обеспечивать научно-образовательно-производственные комплексы, где центральной фигурой становится эксперт-консультант в решении практико-теоретических вопросов.

Адекватность науки запросам практики заключается в её готовности качественно и своевременно предлагать инструментарий анализа, прогнозирования и конструктивного воздействия как в плане коррекции собственного поведения, так и в плане влияния на окружающую природную, социально-экономическую и ценностно-смысловую среду. Притом возросшая мощь человечества превратила его в фактор, соизмеримый с природой. Акцентирование же рефлексивного характера происходящих трансформаций многократно увеличивает потенциал сознательного вмешательства в тенденции исторического уровня. Вместе с тем сохранение и человечества и мира вокруг него требует признания самоценности и поддержания процессов самоорганизации и саморегулирования [6–10].

В частности, важнейшим вопросом в череде конвейеризации вызовов времени становится выделение уникального и общего; неповторимого и повторяющегося; невозобновимого и возобновляемого; общегосударственного, регионального и корпоративного, чтобы полномасштабно воспользоваться выпадающим историческим шансом. Особенно важно и сложно найти и реализовать этот баланс при всемирных трансформациях парадигмального уровня, ломающих устоявшееся положение в факторах и результатах конкуренции. Так, соотношение центробежных и центростремительных тенденций исторично. Вместе с тем попытки «введения единообразия» с насильственной шаблонизацией и стандартизацией не только всегда вызывают отторжение и отпор, но и совершенно не способствуют раскрытию разнообразия одарённостей и потенциала. В условиях усиления постглобальных тенденций это сопротивление навязываемым канонам может стать одним из потоков, питающих сепаратизм. При этом как активное участие отдельных групп населения в общей хозяйственной жизни, так и передача в регионы значительной части социально-экономических обязательств отнюдь не автоматически становятся эффективными ресурсами обеспечения целостности. Вместе с тем именно попытки противостоять тенденциям децентрализации управления могут стать существенной преградой развития и даже целостности [11–15].

Безусловно, глобализация навязывала каноны единообразия как мощное оружие конкурентного обеспечения успеха. Однако уподобление не всегда замещает создание своего, но часто сковывает историческое творчество, оборачивается не столько краткосрочной «экономией» и лаконичностью отсылок к примеру, сколько долгосрочной деструкцией своего культурно-цивилизационного мира, вызреванием в нём чужеродных элементов. Имитационно-подражательные действия и формы политического устройства скрывают иное содержание, нежели в оригинально-инновационных моделях, множат карнавальность происходящего и иррационально-превращённые уровни общественной жизни. Соответственно, блокируют созидание, стимулируя отъезд за рубеж. Постглобальный мир требует дифференциации как средства выживания и развития. Культивирование своеобразия становится условием обеспечения социального согласия и экономического процветания. Полиструктура мирохозяйственных связей, основанная на выработанных и взаимоприемлемых нормативах отношений, а вовсе не блок из идентичных атомов-элементов определяет вид постмодерной действительности. В этом контексте и именно понятие развития нуждается в обновлении, ведь кроме стабильного и сбалансированного экономического роста, оно должно ориентироваться на такие этические ценности, как солидарность, справедливость, равноправие, свобода выбора, терпимость [16–18].

Так, по-прежнему знание, опыт, предметы материальной и духовной культуры рассеяны, заведомо не централизуемы и не стандартизуемы без существенного ущерба для результата. Как известно, в мире сосуществуют мириады социокультурных стилистик, в большей или меньшей степени комплиментарных либо враждебных друг другу, готовых к конкуренции и/или партнёрству. Они находятся в разных фазах своего развития, различаются по балансу своих преимуществ/недостатков, возможностей и потенциалов. Всё активнее заявляет о себе в постглобальном мире процесс изменений, предусматривающих сосуществование, перекрещивание и взаимное резонирование многообразных и разнокачественных тенденций развития, среди которых (в отличие от организационно-управленческих моделей традиции или же модерна) ни одна не может претендовать на столь исключительное значение, что позволило бы без вреда абстрагироваться от прочих. И следствия этого являются неисчислимыми и сущностными. В частности, они касаются социально-экономического и ценностно-смыслового структурирования ойкумены, а также реализации потенциала постнеклассической науки. Гораздо продуктивнее при этом может быть изучение сравнительных преимуществ и недостатков подходов, принципов, а не форм.

Значительная часть потенциала изменений, способных дать новые импульсы сепаратизму, сосредоточена в сфере международных отношений. Возник-

новение перед человечеством (во многом из-за его жизнедеятельности) глобальных проблем вовсе не породило общего взаимопонимания и объединения возможностей. Расширение технико-технологического потенциала отнюдь не привело к выравниванию уровней и качества жизни. Наоборот, прорывы лидеров опираются и на хозяйственные рудименты, и на общую архаику мировой периферии, которую они грабят. Безусловно, с одной стороны, глобализация мира подчиняет общим процессам всех, хоть и по-разному. С другой стороны, утопия «подтягивания» мировым сообществом аутсайдеров и «вхождение» стройными рядами» всех стран в информационную эру технотронного могущества не оправдалась. Некоторые экономики оказываются в инфообществе, другие располагаются на промышленной стадии, третьи застревают в аграрно-доиндустриальном хозяйстве. При этом вырвавшиеся вперёд часто жизненно заинтересованы в отставании прочих, что становится неотъемлемым условием их преуспевания. Более того, можно найти модель успешного существования общества на каждом уровне и, соответственно, модель общественного согласия и информационной устойчивости. К тому же выбор может быть разным не только для стран, но и для отдельных регионов одной страны. В мире, как известно, сорезонируют сонмы цивилизаций, социокультурных стилистик, сводимых в культурные миры. Причём неравномерность исторического процесса и, как следствие этого, наличие межформационных взаимодействий в разные исторические эпохи выступают одними из факторов исторического многообразия. Сейчас под доминантой атрибутов социальной системы хранятся социальное неравенство и иерархия связей «центр – полупериферия – периферия» (хотя они теряют полярность и явный экономизм). Центр оформляется в несколько анклавов, а периферия характеризуется не столько организационными формами, сколько маргинализированными массами и экзотикой отношений. Однако постглобальная социально-экономическая общность уже многолика: здесь налицо отношения центра и периферии, но нет в явном виде их самих как специфических структурных уровней. Причем трансформируется и пространство сопоставления. Часть «отсталого Юга», модернизируясь, «дрейфует» на «Север», тогда как бывший «Восток» разламывается и, деиндустриализуясь, отпадает фрагментами от «Севера», оказываясь периферией и полупериферией, ранее по обыкновению связываемой с «Югом». Соответственно, трансформируются и организационно-экономические факторы успеха. Глобализация неминуемо порождает и усиливает механизмы как международных корпораций, так и регионализации, которые действуют многоуровнево и разнокачественно, иницируя новые пласты ответственности, рисков и возможностей. Эти процессы активно включаются в трансформирование мира, где всё результатив-

нее взаимодействуют составляющие подчас кардинально различной природы [19–23].

В этой ситуации обеспечение баланса общего и частного в соотношении интересов, прав и обязанностей посредством всего диапазона децентрализации и регионализации, регулирования и саморегулирования позволяет повлиять на решение вопроса о том, обостряют ли новые тенденции борьбу разнородных эгоизмов или же усилят интеграционный потенциал соборности как единства разнородного. Закон неравномерности исторического развития характеризует «зигзаги истории», на которых одни «обгоняли, не догоняя» других. Одними из ведущих факторов этого становятся появление и закрепление Сверхпроекта развития, рождающего чувство сопричастности к общественным свершениям и позволяющего как найти своё место в нём, так и осуществлять развитие своих сущностных сил, а также гордости за его свершения. В частности, динамика равновесия (прежде всего, в ответственности и полномочиях, правах и возможностях) между регионами и центром может усилить как центробежные, так и центростремительные силы в политико-экономической общности. При этом потенциал регионального управления существенно отличается как от государственного, так и от корпоративного, в частности, комплексным естественным использованием местных аутентичных подходов и опорой на автохтонные хозяйственные традиции и уклады. Изменению геостратегического регионального позиционирования при межпарадигмальном переходе всегда сопутствует усиление социально-экономической неупорядоченности, хаотичности. Эффективное управление хаосом при этом предполагает приоритетность гибкости, включения стимулирования желательных поведений, событий и процессов, поддержания баланса между техникой перемен, тактикой действий, стратегией и мегастратегией трансформаций. Соответственно, череда Сверхпроектов жизнедеятельности и развития опирается на множество конкретных инновационных кластеров, воплощающих базовые цели и ценности. Обеспечение лидирующего места, как правило, связано с обеспечением новых форм для традиционных ценностно-смысловых комплексов и поиском продуктивного вектора социального согласия в условиях «стабильной нестабильности». Некоторые наиболее важные черты инновационного менеджмента обусловлены сочетанием элементов закрытости и открытости, социально-экономических систем и несистемных целостностей, поддержанием точек развития и общей региональной среды, организации регулируемых, саморегулируемых и нерегулируемых процессов жизнедеятельности (в частности, хозяйственной), тогда как зонами наиболее активного и мотивированного организационно-экономического поиска могут стать территории интенсивных международных контактов [24–27].

Разумеется, сам процесс преобразований может происходить с большими или меньшими эксцессами. Важно, чтобы он не стал отказом от модерна, контрмодерном, а расширил ресурсно-методологическую базу жизнедеятельности и развития каждого именно при интеграции созидательных потенциалов (например, модерна и традиции). Крайне существенно, чтобы поле социального и индивидуального творчества увеличивалось, а качество и длительность жизни населения возрастали. На данный же момент, с одной стороны, в глобальном масштабе накоплена достаточная материально-техническая база как для удовлетворения потребностей, так и для воспроизводства ойкумены, с другой – техногенное давление на окружающую среду и само человечество стало критичным. Усилением в глобальных масштабах постиндустриальных черт производственных отношений, глобализацией международной экономики (в частности, конкурентных отношений) создаются объективные предпосылки для обеспечения постиндустриального уровня производственной демократии и развития представлений о социально ответственном поведении каждого. К числу характерных особенностей новых экономических моделей относятся как известная гуманизация экономики, так и проявление элементов меритократии. Одновременно массово воспроизводятся модели альтернативного образа жизни, усиливается значение непроизводственного измерения жизнедеятельности (прежде всего, учения и игры). Хозяйственные признаки нового этапа развития проявляются, например, в формировании беспрецедентной структуры потребления, когда в качестве основных предметов спроса всё чаще выступают «духовная пища» и информация, а также средства их доставки, обработки и анализа. В экономической структуре приоритетное значение приобретают сфера услуг (в частности, информационных), а также индустрия досуга. Между тем даже страны, сумевшие на каком-то исторически ограниченном отрезке времени совершить модернизационный рывок и улучшить свое положение в системе международных экономических отношений путём сокращения издержек, в частности, заработной платы и пенсионных выплат, впоследствии были вынуждены кардинально пересматривать свое отношение к этому вопросу либо упустили позитивную динамику экономического роста. Тем более сложно рассчитывать на пристойное место национального хозяйства и долгосрочную конкурентоспособность отечественных фирм без качественного развития корпоративной организации отношений интеллектуальной деятельности в формируемом сегодня на базе экономики знания глобальном разделении труда. Факторы экономии на масштабах производства перестают быть определяющими. При этом гибкость и адекватность переменам организационно-экономических решений (прежде всего, комбинирование регули-

емости и саморегулируемости) позволяют успешно противодействовать эксцессам сепаратизма, творчески используя высвобождающуюся хозяйственную энергию.

Условия «гиперконкуренции», широкое использование как экономических, так и неэкономических методов давления вынуждают к возрождению протекционизма, приоритетной опоре на эндогенные модели развития. Консолидация же созидательных усилий в обществе требует согласия его членов с базовыми принципами и механизмами, действующими в нём, что создаёт предпосылки усиления взаимодействия с достаточно постоянными партнёрами, в котором хозяйственный быт переплетён с социокультурным. Так возникают клики (как более частые и прочные контакты, нежели прочие), а формой относительно стабильного стратегического партнёрства в разнообразных социокультурных стилистиках становятся культурно-цивилизационные миры, объединяемые общностью базовых ценностно-смысловых комплексов, среди которых крайне важным является восприятие справедливости и отношения к действительности как справедливой. Вместе с тем нарастают и попытки поддержания разрыва между качеством жизни в разных регионах мира при распространении единства шаблонов консьюмеризма с использованием таких инструментов неоимпериализма, как, в частности, Всемирная торговая организация, Международный валютный фонд, с применением их стандартов и стереотипов. Это актуализирует защитные силы культурно-цивилизационных миров и меры использования баланса прав и ответственности, централизации и децентрализации в отношении тенденций сепаратизма.

Вместе с тем без надёжного регионально-цивилизационного морально-этического основания человечество ныне в состоянии нанести критично большой урон и окружающей среде, и себе. Традиции и ценности всегда формировали силы самосохранения и саморазвития ойкумены. Однако только теперь угрозы достигли планетарного масштаба, формируя вызовы как ценности самой человеческой жизни, так и достоянию мировой (духовной и материальной) культуры. Вместе с тем экология личности предполагает постоянный гражданский выбор в пользу творчества как проявления сугубо индивидуальной комбинации дарований в общественно предоставляемой форме. Если ранее человек, как правило, реализовывался в строгих рамках predetermined рождением жизненного пути, то сегодня в социальном масштабе свобода выбора сменила прежнюю свободу от выбора. При этом успешной становится стратегия наращивания собственных преимуществ, а не ликвидации отступлений от внешнего шаблона, стимулирования желательных изменений, а не администрирования с целью выкорчёвывания воображаемых недостатков, повышения разнообразия, а не рабского следования единообразию глобаль-

ных канонов и штампов. Вместе с тем возрастает искусство не столько борьбы за развитие собственного культурно-цивилизационного мира, сколько индивидуального вхождения в качестве строительного материала в наиболее комфортный в данный момент культурно-цивилизационный мир.

Сегодня форсированная трансформация инверсионно включает «в снятом виде» элементы вестернизации, однако же отнюдь не сводится к ним. Место общественной предрасположенности к отчуждённому канону и индивидуальному порыву к творчеству заняла общественная потребность в творчестве, дополняемая индивидуальной склонностью к бегству от сложностей свободы. «Гений места» и региональные особенности становятся важнейшими факторами позиционирования, возрождения и развития в постглобальной среде. Диалектика «всеобщего – особенного – единичного» позволяет различать позиционирование на уровнях мета-, мега-, макро-, мезо-, микрорегионов, используя и адаптивные возможности территорий, и перспективы выборочной адаптации к местным условиям внешних наработок, удерживать баланс решений между интересами «сильных» и «слабых», лидеров и аутсайдеров.

Соответственно, региональный уровень хозяйствования позволяет уточнить политико-экономический вектор преобразований: будут ли они подчинены задачам наиболее полного удовлетворения частного эгоистического интереса или же (в частности, с его активным использованием) окажутся направленными на решение гораздо более кардинальных задач общественной безопасности и развития. А структура управляемого объекта в каждой системе экономики требует соответствия структуры управления им. При этом постсовременными тенденциями усиливается давление социокультурных факторов регулятивного воздействия, а сами динамики включают множественность факторов и сочетают процессы управляемые, самоуправляемые и неуправляемые.

Выводы. Глобализация политико-экономической среды отнюдь не завершает истории ойкумены. Завершение одних стратегий вызывает к жизни иные. Человечество уже исчерпывает потенциал прежнего типа развития, базировавшегося на стремлении к безграничному хозяйственному экстенсивному росту, требовавшего повышения неравномерности социальных возможностей, экспансии на новые рынки и, следовательно, постоянства потребительского угара и военных авантур. Причём всемирно-исторические трансформации включают процессы повторяемо-циклические и необратимые, инициируя инновационность геостратегической доминанты. И постглобализм в качестве естественной тенденции дифференциации выносит на авансцену мировой истории регионализацию, демпфирующую локальные и международные изменения,

где всё результативнее взаимодействуют заведомо неоднородные составляющие подчас кардинально различной природы.

Повышение информационной, политико-экономической, социальной открытости способствует распространению техник стимулирования желательных трансформаций, открывая новые пути системного изменения геостратегического баланса. Стратегический выбор – подъём или деструкция – осуществляется сегодня в разнокалиберности малых тактических развилок и текущих решений оператики. Причём создание проекта развития региона, разработка стратегии и тактики преобразований, осуществление перемен не только предполагают отражение всеобщих закономерностей (в первую очередь, тенденций постмодернизации как новой модернизации в условиях постсовременности, глобализации, информатизации), но и должны учитывать по мере концентрации на «полюсах силы» определяющих ресурсов (интеллектуальных, финансовых, управленческих и т. д.) не только стихийное формирование зон упадка, регрессии, депрессии, но и прямую заинтересованность лидеров в их существовании. Противоречие родовых сил развёртывается в социальные конфликты, вызывает модели сублимации. Попытки сохранения шаблонов прежней модели мироустройства часто сопряжены с информационной агрессией, политико-экономическим давлением, а то и прямым военным вторжением в страны, которые являются региональными лидерами для подавления конкурентов.

Важнейшей задачей стратегического управления является создание Сверхпроекта, способного консолидировать и мотивировать народ. Реализация требований интеллектуализации и гуманизации предполагает масштабное изменение направленности инвестиций с формированием адекватного Сверхпроекта развития культурно-цивилизационного мира. А формирование притягательности общественного идеала предполагает прежде всего укрепление как стимулирующей желательные изменения общественной среды, так и точек объединения позитивных трансформаций. В частности, в обществе знаний эффективное соотношение стратегии, тактики и оператики общественных преобразований требует приоритетного внимания к управлению изменениями в научно-образовательно-производственных кластерах. Фактически идёт конкурентная борьба не за прибыль как таковую, а за сферы влияния, за хозяйственную власть (конвертируемую в идеологическую и политическую). А это меняет и отношение к общественным динамикам, и значение разных институций. Отныне нет необходимости в стабильности спроса-предложения (напротив, для развития естественна стабильная нестабильность), а вот постоянство институтов и принципов права, условий страхования, кредитования, налогообложения, социальная и политическая стабильность совершенно необходимы.

Дальнейшие научные разведки в этом направлении предполагают, по нашему мнению, исследование динамик совокупного субъективного фактора рефлексивной постсовременной модернизации.

Список литературы:

1. Геєць В. Конфігурація геополітичної карти світу та її проблемність / В. Геєць // Економіка України. – 2011. – № 1. – С. 4–15.
2. Шедяков В. Постглобальный мир: тенденции сепаратизма и региональная геостратегия / В. Шедяков // Рухес. – 2016. – № 3 (3). – С. 79–89.
3. Шедяков В. Экономическое мышление за пределами либерализма / В. Шедяков // Содружество. – 2016. – № 5. – С. 90–94.
4. Гринецька С. Соціальні ресурси розвитку регіону в умовах децентралізації / С. Гринецька // Економіст. – 2016. – № 8. – С. 13–20.
5. Шедяков В. Стратегия сочетания общественных и частных интересов: региональный уровень / В. Шедяков // Регіональна економіка та управління. – 2015. – № 2 (5). – С. 132–136.
6. Перкинс Д. Исповедь экономического убийцы / Д. Перкинс. – М. : Pretext, 2005. – 319 с.
7. Газенко Р. Идеальный шторм. Технология разрушения / Р. Газенко, А. Мартынов. – М. : Книжный мир, 2016. – 272 с.
8. Шедяков В. Організаційно-управлінські відносини як стратегічний ресурс розвитку / В. Шедяков // Формування ринкових відносин в Україні. – 2016. – № 3 (178). – С. 23–30.
9. Шедяков В. Развитие регионалистики как предмета научных изысканий и учебной дисциплины – необходимость совершенствования управления общественными процессами / В. Шедяков // ВУЗ. XXI век. – 2015. – № 1. – С. 202–218.
10. Шедяков В. Стратегічний організаційно-управлінський дизайн соціально-економічних точок розвитку суспільства / В. Шедяков // Економіст. – 2015. – № 12. – С. 13–18.
11. Шедяков В. Экономическая логика косовских событий / В. Шедяков // Официальные ведомости. – 1999. – № 21. – 17–23 мая. – С. 16.
12. Шедяков В. Всемирная децентрация и тенденции сепаратизма сквозь призму постглобализма / В. Шедяков // Politicus. – 2016. – Вып. 3. – С. 100–103.
13. Ikenberry G.J. After Victory. Institutions, Strategic Restrain, and Rebuilding of Order After Major Wars / G.J. Ikenberry. – Princeton : Princeton Univ. Press, 2001. – 281 p.
14. Омае К. Упадок национального государства: становление региональных экономик / К. Омае. – М. : Новый мир, 1999. – 290 с.
15. Китинг М. Новый регионализм в Европе / М. Китинг // Логос. – 2003. – № 6. – С. 18–27.
16. Шедяков В. Регионы и постмодерн: совместимы ли права человека и национальное возрождение? / В. Шедяков // Интеграция. 21 век. – 1996. – № 3. – С. 11–13.

17. Шедяков В. Постглобальный сепаратизм в контексте задач новой модернизации / В. Шедяков // *Economic Development Strategy in Terms of European Integration: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference.* – Kaunas, Lithuania, May 27th, 2016 : Baltija Publishing. – P. 45–48.
18. Jenson J. Sociology, institutionalism and the European Union / J. Jenson, F. Merand // *Comparative European Politics.* – 2010. – Vol. 8 (1). – P. 74–92.
19. Чужиков В. Глобальна регіоналістика: історія та сучасна методологія / В. Чужиков. – К. : КНЕУ, 2008. – 272 с.
20. Регіональне управління: інноваційний підхід / за заг ред. М. Бутка. – К. : Знання України, 2006. – 560 с.
21. Большаков А. Непризнанные государства европейской периферии и пограничья / А. Большаков [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.intertrends.ru/fifteen/008.htm>.
22. Шедяков В. Регіональні рівні управління: роль постсучасних тенденцій / В. Шедяков // *Формування ринкових відносин в Україні.* – 2015. – № 12 (175). – С. 166–173.
23. Шедяков В. Трансформации при становлении «умного общества»: циклы, управляемость, субъектность / В. Шедяков // *From the Baltic to the Black Sea Region: the national models of economic systems: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference.* – Riga, Latvia, March 25th, 2016. – P. 14–17.
24. Шедяков В. Региональное управление: выбор стратегии и механизмов / В. Шедяков // *Регион: проблемы и перспективы.* – 1997. – № 1. – С. 19–23.
25. Шедяков В. Мегaproект як умова існування країни / В. Шедяков // *Політичний менеджмент.* – 2012. – № 1–2. – С. 50–60.
26. Шедяков В. Стратегічна конкуренція макрорегіонів і стимулювання бажаних трансформацій / В. Шедяков // *Віче.* – 2012. – № 22 (331). – С. 30–32.
27. Шедяков В. Боротьба смислів і протистояння стратегій: регіонально-цивілізаційний вимір / В. Шедяков // *Політичний менеджмент.* – 2012. – № 3. – С. 31–42.